

Когда Шэнь Лянь открыл дверь, перед ним предстал мужчина. Они обменялись взглядами, пока мужчина первым не заговорил: “Спасибо вам за еду. Благодаря вам, мой оболтус наконец-то поел нормально”.

Услышав это, Шэнь Лянь вновь надел свою привычную тёплую улыбку и ответил: “Не стоит благодарности. Мы соседи, помогать друг другу — это нормально”.

Мужчина, заметив такую вежливость со стороны хрупкого на вид юноши, почувствовал себя легче. Он протянул вперёд свою ношу: “Это рыба, которую я сегодня поймал. Это вам в знак благодарности”.

Шэнь Лянь опустил взгляд. Мужчина держал скумбрию весом около трёх цзиней (примерно полтора килограмма). В здешних местах такая рыба — редкость, она стоила значительно дороже приготовленных блюд, которые они ранее отдали.

Шэнь Лянь, не раздумывая, взял рыбу и коротко поблагодарил: “Спасибо”.

Мужчина, заметив, что Шэнь Лянь так просто принял подарок, вздохнул с облегчением. Обычно ему приходилось иметь дело с простыми грубыми людьми, и он терпеть не мог тех, кто долго отказывался и перебрасывал подарки туда-сюда.

“Ах да, моя мать хотела узнать, когда вы собираетесь открывать лавку?” — вспомнил мужчина о просьбе своей матери.

Шэнь Лянь, не удивившись вопросу, повернулся к Линь Сяоцзю, который к тому моменту незаметно подошёл. Улыбнувшись, он спросил: “Ты завтра во сколько планируешь открыть?”

Линь Сяоцзю, задумавшись на мгновение, ответил: “Откроемся в час змеи (примерно с 9 до 11 утра)”.

В древности люди обычно вставали с восходом солнца и ложились с закатом, питаясь дважды в день. Лишь немногие семьи, следящие за комфортом, ели три раза в день.

Линь Сяоцзю выбрал это время, предполагая, что оно совпадёт с началом обеденного времени и бизнес пойдёт лучше.

Мужчина, услышав точное время, искренне улыбнулся: “Отлично! Я сразу передам матери. Завтра она обязательно придёт к вам за покупками”.

Линь Сяоцзю кивнул, отметив, что этот крепкий мужчина довольно интересный.

Мужчина, завершив поручение матери, был готов уходить, но, сделав пару шагов, будто

вспомнил что-то, обернулся: “Кстати, меня зовут Ван Ху. Я работаю приставом в уезде. Если у вас возникнут какие-то проблемы, можете обратиться ко мне”.

Линь Сяоцзю не совсем понял, зачем Ван Ху вдруг решил представиться, но всё же кивнул в знак согласия.

□□#

Когда Ван Ху ушёл, Шэнь Лянь поднял рыбу, которую держал в руках, и спросил Линь Сяоцзю: “Что будем с ней делать?”

Линь Сяоцзю, взглянув на рыбу, которая всё ещё еле дышала, потрогав свой круглый живот, твёрдо ответил: “Оставим до завтра. А завтра приготовим блюдо с варёной рыбой”.

Шэнь Лянь не возражал. Он нашёл ненужный чан, налил воды и поместил рыбу туда.

Когда всё было убрано, они отправились спать.

На следующее утро Линь Сяоцзю проснулся, лениво потянулся и глядя на старинный пейзаж за окном, ощутил реальность своего перемещения во времени.

Собравшись с духом, он сбросил одеяло и поднялся.

Первым делом нужно было приготовить завтрак для себя и Шэнь Ляня, а затем разложить всё подготовленное в лавке, чтобы сразу открыть её в назначенное время.

После утреннего умывания Линь Сяоцзю отправился на кухню, но обнаружил, что Шэнь Лянь уже занялся делами. Он варил кашу, а на маленькой печке для Линь Сяоцзю даже приготовился отвар.

Шэнь Лянь, занимаясь готовкой, прикрывал рот рукой, сдерживая кашель. От напряжения на его лице появился лёгкий румянец.

Возможно, его потревожил шум, исходящий от Линь Сяоцзю. Он повернул голову к двери и, заметив стоящего на пороге юношу, с удивлением спросил: “Ты почему встал так рано?”

Линь Сяоцзю подошёл ближе, забрал у него ложку, которой тот помешивал рис в кастрюле, и с недоумением сказал: “Этот вопрос должен задать тебе. Почему бы тебе не отдохнуть подольше?”

По мнению Линь Сяоцзю, больным людям необходимо больше отдыхать, чтобы восстановить

силы.

Шэнь Лянь наблюдал, как Линь Сяоцзю пару раз помешал рис, а затем наклонился, чтобы уменьшить пламя в очаге. Одновременно он пояснил: “Для приготовления каши не нужно сильное пламя. Как только вода закипит, можно варить на медленном огне, а потом дать немного настояться. Если всё делать на большом огне, каша легко пригорит”.

Слова Линь Сяоцзю заставили Шэнь Ляня вспомнить, как он однажды чуть не испортил кашу, и его лицо слегка потемнело от смущения.

“Я понял”, — сказал он тихо.

Линь Сяоцзю, взглянув на слегка виноватое выражение Шэнь Ляня, осознал, что, возможно, был слишком строг. Ведь тот не только был болен, но и, несмотря на своё состояние, пытался приготовить для него завтрак. Ему стоило проявить больше понимания.

Слегка смущённый, Линь Сяоцзю мягче сказал: “Для первого раза у тебя всё вышло очень хорошо. Но ты же болеешь, поэтому в следующий раз я сам всё сделаю. А когда ты выздоровеешь, я научу тебя готовить, чтобы в будущем всё получилось ещё лучше”.

Шэнь Лянь, увидев искреннее желание Линь Сяоцзю поддержать его, улыбнулся и тихо ответил: “Хорошо”.

После этого Линь Сяоцзю проверил кашу, убедившись, что всё идёт по плану, затем отправился во двор за овощами. Он выбрал немного зелени, нарезал её на мелкие кусочки и разбил два яйца. На маленькой сковороде он приготовил омлет с зеленью.

Когда блюдо было готово, каша тоже достигла нужной консистенции.

Они вместе сели завтракать. Во время еды Шэнь Лянь вспомнил, что Линь Сяоцзю скоро откроет лавку, и предложил свою помощь.

Но Линь Сяоцзю покачал головой и серьёзно сказал: “Ты еще не до конца поправился, а товара у меня немного, я справлюсь и один”.

Когда Шэнь Лянь появился в доме Линь, он был тяжело болен. Ему понадобилось долгое лечение, чтобы прийти в себя. А недавно, спасая из воды прежнего хозяина тела Линь Сяоцзю, он сильно ослаб. Если он снова перетрудится, последствия могут быть тяжёлыми.

Когда Линь Сяоцзю говорил эти слова, его взгляд был особенно серьёзным, а тон — чрезвычайно строгим, так что Шэнь Лянь на мгновение даже застыл в замешательстве.

Шэнь Лянь немного помолчал, затем поднял глаза, улыбнулся Линь Сяоцзю и мягко сказал: “Хорошо, я понял. Но позже я помогу тебе перенести все блюда”.

Поскольку перенос блюд занял бы всего минуту, а еды было немного, Линь Сяоцзю не стал больше возражать. Он боялся, что если снова начнет отговаривать, то может задеть достоинство Шэнь Ляна, ведь тот просто заболел, а не стал нетрудоспособным.

После еды Линь Сяоцзю вместе с Шэнь Ляном перенес все подготовленные продукты в магазин.

Глядя на прилавок, который прежде был пуст, а теперь вновь заполнен всевозможными ингредиентами, Линь Сяоцзю почувствовал, как его настроение стало заметно лучше.

Шэнь Лянь, помогая Линь Сяоцзю переносить вещи в магазин, заметил в углу груды вещей. Подняв их, он спросил: “Эти вещи еще понадобятся? Если нет, я перенесу их на склад, чтобы они не мешались здесь”.

Линь Сяоцзю обернулся и посмотрел на эту груды. Оказалось, что это те самые вещи, которые были сложены в угол во время уборки. Тогда он подумал, что это просто часть интерьера, и не обратил на них особого внимания. Теперь, услышав слова Шэнь Ляна, он спросил с любопытством: “А что это вообще такое?”

Шэнь Лян опустил взгляд на вещи в своих руках и спокойно ответил: “Это инструменты, которые раньше использовались для приготовления лапши”.

Линь Сяоцзю понял, о чем идет речь, и кивнул. После небольшой паузы он сказал: “Тогда убери их на склад. Ах да, я собираюсь открывать магазин. Ты можешь вернуться и отдохнуть”.

“Хорошо”, — ответил Шэнь Лянь, одарив Линь Сяоцзю легкой улыбкой, после чего отправился на склад с ненужными вещами.

Убирая вещи на склад, Шэнь Лянь внезапно улыбнулся и тихо сказал: “Как я и думал, он не Линь Сяоцзю”.

Если бы это был настоящий Линь Сяоцзю, каким бы избалованным он ни был, он бы уж точно знал, какими инструментами пользовались его родители, готовя еду.

Но если этот человек не Линь Сяоцзю, то кто же он? И какова его настоящая цель?

Шэнь Лянь еще раз взглянул на сложенные вещи, слегка опустил ресницы, а затем развернулся и вернулся в свою комнату. Если это не Линь Сяоцзю, то его первоначальный план теперь придется пересмотреть.

□□#

Линь Сяоцзю и не подозревал, что его личность уже почти раскрыли. Он стоял за дверью, слушая редкие голоса снаружи, подбадривал себя, а затем распахнул дверь, готовясь начать торговлю.

Линь Сяоцзю решил, что в первый день работы, да еще с таким новым блюдом, ему хватит и того, если получится продать хотя бы половину.

Хотя магазин Линь находился на улице, она не была особенно оживленной, а сам магазин располагался еще и на углу, так что выглядело все не слишком перспективно.

Но в этот момент на улице было самое оживленное время, когда люди начинали свои утренние дела. Ароматы из магазина оказались настолько аппетитными, что многие прохожие невольно начинали подходить ближе.

Некоторые местные жители, прожившие здесь много лет, увидели, что открылась прежняя лапшичная, которая долгое время не работала, и из любопытства тоже присоединились к толпе.

<http://bllate.org/book/15132/1337388>